

Грамматология: основные понятия

Самому Деррида очень не хочется, чтобы его описывали "как объект". Поэтому сам он никогда не даст разрешения на какое бы то ни было описание собственной концепции в форме констатации и в третьем лице единственного числа (типа "S есть P"). Каждое слово, термин, понятие он обставляет бесконечными оговорками запретительного свойства: это не понятие, не термин, не метод, не операция, не акт... Применительно к каждому слову-понятию Деррида фактически строит запрещение его абстрактного использования: так, скажет он нам, метафизики "как таковой", философии "как таковой" или скажем, деконструкции "как таковой" не бывает (по-французски это как бы запрет на употребление определенного артикля, т. е. во всех трех упомянутых случаях — артикля "la").

Все это мы должны как-то учитывать, но должны ли мы понимать все это буквально и верить всему сказанному на слово? Например, если Деррида где-то сказал, что он снял оппозицию "логического" и "риторического" (или метафорического), можно ли считать такое утверждение само собой разумеющимся и даже не задавать себе вопроса о том, как это вообще возможно или что стало бы с философией, если бы это действительно было возможно? Несмотря на все вышеприведенные отрицания, мы все же полагаем, что у Деррида есть понятия, которые совершают свою понятийную (а не только акробатическую или танцевальную, вслед за Ницше) работу — ничуть не хуже, чем другие философские и нефилософские понятия. Во всяком случае, теперь, по прошествии 30 лет после выхода книги, такое отношение представляется нам оправданным.

Многие понятия "О грамматологии" возникли под влиянием Гуссерля, Гегеля и Хайдеггера, а кроме того, Фрейда, Ницше, авангардной литературы. Но самое важное влияние — это, конечно, Гуссерль, прежде всего — как исследователь проблемы внутреннего чувства времени. Из того, что настоящее (налично-сущее, живое-настоящее) не является в самом себе неделимым ощущением, но уже расчленяется на "уже не" и "еще не", вытекает весь человеческий опыт, невыносимый без переживания времени с его расщепленностью, различенностью, промедлением прошлого и запаздыванием будущего. Добавим к этому ряд понятий Фрейда, фиксирующих неосознанное сбережение впечатлений (непонятных, неприятных или просто невыносимых для человека) в виде "следов" (ср. "след мнесический", "пролагание пути", "последействие" — Деррида часто пользуется этими фрейдовскими понятиями в их немецком варианте).

Отдельный вопрос — о влиянии иудаизма на Деррида. Прежде всего тут можно и нужно было бы говорить о влиянии Левинаса, который ярко сопрягает две мощные мыслительные традиции — иудейскую и христианскую, греческую. Левинас был одновременно и толкователем священных еврейских книг, и учеником Гуссерля и Хайдеггера, причем эти

источники проблемных влияний напряженно, но гармонично в нем сосуществовали. Иудаизм был для него некоей трансисторической стихией, а Греция — непреходяще живым элементом любой европейской мыслительной традиции. В частности, его учение о смерти и, шире, тема бесконечного в конечном не только подхватывали традиционные западные подходы, но и шли против них путями Торы, откровения, и одновременно Талмуда как искусства бесконечной экзегетики и повторения одного и того же в бесконечно варьирующихся контекстах.

Если мы к тому же настроим себя на такое обращение со словом, которое было характерно для европейского литературного авангарда от Малларме до Бланшо (с игрою слов — синонимов, омонимов, метафор, метонимий, других тропов и фигур, различных звуковых ассоциаций), то в результате мы получим некоторое представление о внешних параметрах стиля Деррида. Мы не будем даже пытаться показать весь корпус понятий Деррида. Попробуем лишь прояснить некоторые основные понятия данной книги и тем самым наметить путь к ее чтению, предоставив читателю возможность самому достроить намеченные понятийные ряды, заметить новые подстановки и взаимодействия понятий. На страницах "О грамматологии" мы встречаем десятки понятий: противопоставленных и взаимопереплетающихся.

Деконструкция — это латинский перевод греческого слова "анализ". Слово это у всех на слуху — по крайней мере в России. Деконструируемые понятия — это те, которые Деррида находит в философской традиции западной мысли: например, сущность, явление, цель, онтология, метафизика, наличие... Деконструирующие понятия — различного происхождения. Это могут быть и такие понятия (главное среди них — знак!), которые находятся внутри традиции, но выходят за ее рамки, позволяя нам переосмыслить всю проблематику означения, и обычные понятия, взятые в особом повороте (письмо).

Здесь мы начинаем с "деконструируемого" и переходим к "деконструирующему", хотя при желании можно было бы строить понятийные ряды и в обратном порядке. А как нужно, как "правильно"? Деррида очень любит "путать" и "озадачивать" читателя. Вы хотите знать, как меня читать, — говорит он интервьюерам в "Позициях", — все равно: можете начать с "Письма и различия", а в центр этой книги вставить "Грамматологию", а можете начать с "Грамматологии", а "Письмо и различие" вставить как набор иллюстраций наряду с очерком о Руссо. А если расширить перспективу, то можно представить себе все три работы 1967 года как одно общее вступление к еще не написанной работе или же как эпиграф — но уже к тому, чего вообще никогда не удастся написать. Так на наших глазах меняется угол зрения и масштаб рассмотрения текстов.

Вместе с изменением угла зрения меняется и вид концепции. Прежде чем перейти к обсуждению основных ее понятий, попробуем еще раз зафиксировать то состояние сознания, для которого эти понятия значимы, и наметить некоторые связи между ними. Например, так. Жизнь усложнилась, от человека до истины дотянуться все труднее, между ними — расширяющийся слой посредников, выросший в языке. "Наличие", область данного и несомненного, отступает в бесконечную даль. Между ним и нами вытягивается ряд ступеней, каждая из которых доносит до нас только "след" предыдущей. Этот ряд такой длинный, что даже за ним, на горизонте, мы отчаиваемся предполагать окончательное

наличие, а предполагаем лишь ступени-следы, сгущающиеся за нашей спиной в "прото-след". Ступень от ступени, след от следа отличается "различием". Общую индивидуализирующую функцию этих различий мы называем "различАнием". Способ ее осуществления мы называем "письмом" или, скорее, "прото-письмом" (слова "письмо" и "прото-письмо" — это постоянно обыгрываемая метафора: ведь письмо — это расчленение потока речи на слова, звуки и буквы, а здесь имеется в виду сам принцип расчленения, артикулирования). Неполнота каждого следа связана с тем, что мир перед нами предстает не в бытии, а в становлении. А точнее, одновременно и во времени становления, и в пространстве расчлененного расположения, или "разбивки". Каждая частица этого мира соотносится не только с собой в прошедшем и будущем, но и со своими соседями в синхронно-настоящем. Эта двоякая соотнесенность называется "восполнением": каждая неполнота стремится к полноте, но никогда ее не достигает, ибо чем больше добавляется извне, тем больше изымается из как бы наличного. Так как единое и полное наличие растворилось во множественности следов и она бесконечна, то эта бесконечность не может быть центрирована, иерархизирована, "логоцентрична": отношение между отдельными ее неполнотами определяется не логикой самотождественного разума, а логикой несамотождественного восполнительства, побуждаемого сперва потребностью, а по миновании потребности — воображением.

Конечно, Деррида воспротивился бы такой суммарной картине его представлений и заявил бы, что никакой суммарной картины у него нет; тем не менее она все же возникает, и при взгляде со стороны мы можем исходить только из нее. А при взгляде изнутри, конечно, для Деррида главное — не итоговая картина, а процесс работы: ему важно, чтобы вязкая толща языка-посредника, в которой барахтается человек, не затвердела, и он старается разбить ее трещинами, расчленить и перерасчленить. От этого — намеренная парадоксальность его терминологии: "след" (неизвестно чего), "письмо" до языка (потому что сквозь толщу посредников звучащая речь не доходит, и письменная становится важнее); от него же — демонстративная нестандартность стиля, напряженно стремящегося выговорить языком нечто отрицающее язык.

И все же постараемся вычленив в этом процессе, как бы приостановив его, отдельные понятия и рассмотреть их поодиночке. Все перечисленные ниже понятия берутся только из данной книги.

Наличие (presence)

Способ бытия всего, что существует (и в онтологическом, и в антропологическом смысле). Это огромная по силе и объему абстракция, придуманная Деррида. Истоки ее прежде всего хайдеггеровские. Однако ее можно считать собственным понятием Деррида, концептуальным артефактом, поскольку ничто в предшествующей традиции не может сравняться с приписываемой наличию содержательной емкостью. Для Деррида наличие — это опорное понятие всей западной метафизической традиции. Эта сверхмощная абстракция предполагает такие характеристики, как полнота, простота, самотождественность, самодостаточность, сосредоточенность на том, что в современном философском языке называется "здесь и теперь" (настоящем как вечно присутствующем),

нередко — данность сознанию.

Фактически в тексте книги этим общим именем могут быть обозначены события, относящиеся к разным понятийным рядам. Понятие наличия пересекает материальное и идеальное, эмпирическое и трансцендентальное, рациональное и иррациональное, сенсуалистическое и рациональное и т. д. Атрибут наличия будет равно соотносим с понятиями Спинозы и Гуссерля, средневековых мистиков и современных структуралистов. В широком плане равно наличными будут и интеллектуальные очевидности разума, и сенсорные данные, и жизнь в целом.

Наличие и наличность (иногда речь идет о накапливаемых количествах) могут быть представлены в разных формах: как нечто просто наличное (аристотелевский "стол"); самоналичное (точнее, наличное перед самим собой (*present a soi*) — тут уже Деррида фактически фиксирует некоторую несамотождественность, выход за пределы самодостаточности) — таковы субъект, самосознание, когито; со-наличное (Я и другой).

Логоцентризм

Способ данности, предъявленности наличия в рамках западной философской традиции в целом. Подобно "наличию", "логоцентризм" - это не реально употреблявшееся в классической философии понятие, но ретроспективно построенный образ умопостигаемости, преобладающий в западной философской традиции.

Рассмотрим оба корневых элемента этого составного слова. "Логос" по-гречески это разум, слово и, реже, пропорция. Преобладающим является первое значение, но для Деррида явно важнее второе — тут он следует одновременно и Евангелию от Иоанна, и современному структурализму "Центризм" предполагает иерархию: для Деррида наличие центра — это помеха беспрепятственной игре взаимозамен между элементами внутри структуры [2]. Центрация — это такой способ идентификации или самоидентификации чего бы то ни было, при котором выделенный фрагмент вещи рассматривается как ее средоточие, и все стягивается к нему, как к ядру, основе. Для Деррида (как и для его французских современников) главное в "логоцентризме" — это логос как "слово", или даже логос как "звук" (фония), и только потом — как учение, знание, разум.

Иначе говоря, мысль, данная в слове и выраженная в звуке, становится опорой самоотождествления и гарантией самодостаточности любых образований человеческого сознания. Отметим тут две важные вещи: 1) что в греческом слове "логос" звук начисто отсутствует, поэтому Деррида иногда приходится усложнять свою конструкцию, представляя ее как фоно-логоцентризм; 2) что русский язык, по чистой случайности, тут очень помогает Деррида: "логос" и "голос" так близко созвучны, как им не удастся быть во французском языке. Слово и звук непосредственно являют нам жизнь человеческой души, нарушая все критерии внутреннего и внешнего, близкого и далекого: даже если нам кажется, что наш голос идет откуда-то извне, он на самом деле выступает как первое и самое непосредственное проявление нашего душевного состояния.

Как и в случае с понятием наличия, сказанное не означает, что все философы многовековой традиции пишут только в логоцентрических понятиях: в их текстах может не быть ни "логоса", ни "голоса" как таковых, но все равно фактически предполагается, что через какое-то число опосредующих звеньев эти тексты и понятия можно свести к этой логосно-голосной основе. Поэтому тезис о логоцентричности западной культуры и западной философии провозглашается как нечто абсолютное и непроблематичное, а отдельными формами, так или иначе сводимыми к логоцентризму, оказываются и онтоцентризм, и телеоцентризм, и особенно — теоцентризм. Знаковость и теоцентричность — особенно с момента соединения греческой мысли с христианством — выступают почти как синонимы. (Позднее к этому списку "центризмов" — онто-тео-телео-фоно- и проч. Деррида добавит и психоаналитический "фалло-центризм" под влиянием лакановской концепции фаллоса как главного означающего.) Тут возможны и разные другие кентавры и гибриды, вроде онто-теологии, онто-телеологии и проч.; в любом случае и начала и концы, и причины и цели — все это, устремляясь к умопостигаемости, должно быть представлено в логоцентрической форме.

Метафизика

Дисциплина, оформляющая проблематику наличия и логоцентризма в единое целое. В философский словарь нам лучше не смотреть: метафизика в данном случае не означает ни учения о бытии в противоположность учению о познании, ни метода познания, противоположного диалектическому учению о противоречиях. Метафизика предстает здесь прежде всего в своем этимологическом смысле — как после-физика. Нам известно, что рождение метафизики потребовало огромной умственной работы; нужно было отвлечься от чувственно-данного, например, в зрительном "виде" увидеть незримый (видимый лишь умственному взору) эйдос, а в руке, держащей палку, угадать возможность "хватания" (понятие, поятие) вещи умом. Потом люди забыли и об исходных чувственных впечатлениях, и о самой работе метафорического переноса: им стало казаться, что они всегда находились в после-физике и что ее понятия само собой подразумеваются. В качестве такого само собой подразумевающегося богатства метафизика сохранила многие понятия (тело—душа, вещь—идея, означающее—означаемое, явление—сущность), которые имеют вид оппозиций, но на самом деле всегда предполагают уже достигнутое первенство второго — "послефизического" (духовного, душевного, сублимированного, бестелесного). Общая форма оппозиции, которую утверждает западная метафизика, — это оппозиция чувственного и умопостигаемого. Понятия метафизики для Деррида — это основной объект расчленения, деконструкции.

Нам важно понять, что метафизика — это именно некое дисциплинарное пространство, топос, место. Все, что относится к области наличного и дается нам в логоцентрическом модусе (как логос-голос), может быть увидено, схвачено, переработано — деконструировано — только в определенном пространстве. Отсюда — множество пространственных метафор, метонимий, других тропов, с помощью которых Деррида косвенно пытается наметить для самого себя и показать нам и способы движения мысли в метафизике, и главное — возможность поставить это движение под вопрос.

Вот лишь некоторые из этих объектов и вместе с тем приемов деконструкции: "наружа" и "нутрь", по сю сторону и по ту сторону, превзойдение, пропасть, рисковать, действовать, как контрабандист (исподтишка), отслеживать добычу, как охотник (точнее, охотничья собака, которая имеет тонкий нюх на добычу), составить план местности, топтаться по сю сторону метафизического загона, ограды, предела (cloture), но так близко к забору, что уже, кажется, начинает виднеться что-то и по ту сторону ограды... Постоянно подразумевается и явно требуется "двойное прочтение", "двойная наука", "двойная игра": читать как бы внутри метафизики и читать, обращая внимание на трещины-расселины (или, напротив, на то, что выпирает на общем фоне). Пусть каждый сам продолжит эту увлекательную работу, выбрав из общего перечня способов обращения с метафизикой то, что ему больше подходит.

Нам же стоит только помнить самое главное — неуместность "революционных" порывов: никакими наскоками нам не удастся разрушить западноевропейскую метафизику, да собственно и незачем это делать, если у нас ничего, кроме нее, нет, и неясно, может ли еще быть. Вопрос о принадлежности или непринадлежности какой-либо концепции или понятия к метафизике возникает для Деррида с навязчивой неотвязностью. Деррида часто говорит, что в этих вопросах он не хочет и не может судить, "рубить с плеча", но все равно нередко — судит.

Разумеется, и речи быть не может о том, чтобы всё в текстах западной философской традиции покорно укладывалось в наличие, лого-центризм или метафизику. Они полны противоречий, нестыковок, "симптомов" всякого рода — от психоаналитического до поэтического, — которые свидетельствуют о том, что что-то тут не так ("прогнило" или всегда хромало). Деррида явно сомневается в возможности когда-либо выйти из метафизики, и потому даже свое самое знаменитое понятие — "различАние" (differАnce) — он уверенно назовет "метафизическим" понятием ("РазличАние", 1968)[3]. И все равно он строит свою программу на "борьбе" с метафизикой, на выявлении генеалогии метафизических понятий и обобщает эту работу-борьбу словом "деконструкция".

Деконструкция

[4] Один из лучших путеводителей по программе деконструкции — "Письмо японскому другу"[5]. Тут говорится о том, что по сути главный вопрос деконструкции — это вопрос о переводе. Само понятие деконструкции было введено именно в "О грамматологии"[6], хотя тогда Деррида еще не думал, что оно станет лозунгом, установкой целого направления исследований. Поначалу он просто пытался получше перевести немецкие понятия *Destruktion* и *Abbau*, найти для них хорошие французские эквиваленты. То, что получалось при переводе, звучало слишком разрушительно, и Деррида продолжал поиск уже по французским толковым словарям. В одном из них он даже встретил более уместное значение (разборка целого для перевозки на новое место), покуда в словаре Бешереля не нашел наконец то, что искал. Искомая деконструкция имела или хотя бы подразумевала и негативный, и конструктивный смысл: так, "деконструкцией" оказывались при переводе слом и переделка иностранного слова, а "конструкцией" — воссоздание этого слова на родном языке.

Очевидно, что Деконструкция требует одновременно и структуралистской, и постструктуралистской методики. Структурализм предполагает разбор наличных целостностей (социальных, культурных) и затем сборку структур как совокупностей взаимодействующих элементов. Постструктурализм требует выхода за пределы структур, он ищет в структурированном неструктурное. Одним из путей выхода за пределы структур было рассмотрение того, как данная структура была построена, выявление "генеалогии" образующих ее понятий. В этом последнем смысле Деконструкция вовсе не будет разрушением, хотя она и требует подвешивания, приостановки действия, перечеркивания всех традиционных понятий (слова "перечеркивание" или "похеривание" - наложение буквы "X" при гашении марки — следует понимать буквально: слово не вымарано, его можно прочитать под перечеркивающим его знаком).

Деконструкция, по мысли Деррида, не должна быть ни анализом (в ней нет сведения к простейшим элементам), ни тем более — синтезом (хотя некоторые критики, например Р. Гахе, видят результат деконструкции в создании неких прото-синтезов на инфраструктурном уровне). Это не критика (в обыденном или в кантовском смысле слова), не метод (хотя в США критики склонны считать деконструкцию методологией чтения и интерпретации), не акт, не операция. Деррида стремится уйти в трактовке деконструкции от субъектно-объектных определений: Деконструкция — это не стратегия субъекта, а "событие" или, в конце концов, тема, мотив, симптом чего-то иного — какой-то другой проблемы — тут Деррида, как обычно, уходит от ответа. Что же касается деконструкции как события, то очевидно, что само по себе событие деконструкции произойти не может: для того чтобы оно состоялось, нужны усилия, стратегии, средства.

Часто под деконструкцией понимается такое обращение с бинарными конструкциями любого типа (формально-логическими, мифологическими, диалектическими), при котором оппозиция разбирается, угнетаемый ее член выравнивается в силе с господствующим, а потом и сама оппозиция переносится на такой уровень рассмотрения проблемы, с которого видна уже не оппозиция, но скорее сама ее возможность (чаще — невозможность). Критики много спорили о том, удастся ли Деррида "снимать", разбирать бинарные оппозиции западной культуры или он лишь меняет знаки, эмансипируя униженные элементы оппозиций. Читатель сможет судить об этом сам, прочитав книгу, где дается множество ярких примеров разборки оппозиций. Итак, Деррида предлагает нам понять деконструкцию не вообще, но лишь в конкретном ее осуществлении, т. е. в цепочке взаимозамещений между понятиями, ряды которых открыты в бесконечность.

Понятия деконструирующей группы поначалу добываются как результаты деконструкции, но затем уже и сами могут применяться как ее средства и орудия. Мы остановимся здесь на нескольких наиболее важных понятиях, а именно: след (прото-след), различие (различАние) и письмо (прото-письмо). Понятия следа, письма, различия уже использовались в философии, психоанализе, лингвистике, но были усилены Деррида, превращены им в новые концептуальные инструменты. Каждое из этих названных понятий окружено веерами (или продолжено в рядах) других, более конкретных понятий: например, разверткой понятия "след" будут и "метод" (букв.: путь), и тропинка-пикада, и механизм письма как сохранения следа путем нацарапывания (по-гречески писать и значит "царапать")...

Эти три понятия — "след", "различие" и "письмо" — резко противоположны по смыслу "наличию" и "логоцентризму", хотя между ними нет логического отрицания и они не образуют бинарных оппозиций. Так, в противоположность наличию "след" и "различие" заведомо лишены полноты и самодостаточности (они суть воплощенное неналичие или антиналичие); в противоположность логоцентризму "письмо" (и тем более — прото-письмо) основано на отказе от единства звука и смысла.

След, прото-след

Общая форма неналичия, находящая свое выражение в такого рода множественной соотнесенности всего со всем, при которой задача определения того, что именно с чем соотнесено, становится неразрешимой. След (тем более самостирающийся) — главная форма неналичия, и потому понятно, что устранение, редукция следа — общая тема метафизики. В рамках той картины (мира), которую предлагает нам Деррида, нет ничего наличного — простого, полного, "здесь и теперь" доступного, самотождественного и самодостаточного. Деррида нагружает след полным набором взаимно противоречивых предикатов: след не наличествует и не отсутствует; он и наличествует, и отсутствует; он столь же (весьма двусмысленное уточнение) наличествует, сколь и отсутствует. След равно относится и к природе, и к культуре. Он предшествует всякой мысли о сущем и неуловим в простоте настоящего, наличного, тождественного. Движение являет и скрывает след: он неуловим в простоте настоящего. Но по сути след есть удержание другого внутри тождественного, и потому нам необходимо вырвать след из классической схемы мысли.

Чтобы понять, что такое след (и прото-след), попробуем в порядке эксперимента встать на иную — не привычную и не "наивную" — точку зрения. Попробуем увидеть предметы не готовыми и ставшими, а только становящимися, а сами пространственно-временные координаты, в которых нам так или иначе даются все предметы, — не заранее заданными, а тоже лишь складывающимися в процессе восприятия. Тогда, пожалуй, станет немного яснее, как в бесконечном переплетении элементов, фрагментов, частей, узлов и сочетаний (живого и неживого, природного и культурного, физического и психического) искомый смысл отступает и дается лишь как след (бывшего или не бывшего), но и след уходит куда-то в бесконечность, обрекая любой поиск первоначала на неудачу

Возможны различные конкретные формы следа. След может быть "мотивированным" (например, психический отпечаток внешнего впечатления), "условно мотивированным" (например, слово "стол" при отсутствии стола, который я только что видел, а сейчас не вижу). Но могут быть и следы с утерянной мотивацией: это усложненные цепочки следов, неизвестно к чему относящихся. Наконец, можно вообразить и вообще не мотивированный след. Назовем его прото-следом: в этом случае абсолютная первичность следа заведомо исключает возможность первичности чего бы то ни было другого (именно след вечно первичен) и тем самым стирает след (который не может быть первичным и самодостаточным).

Вопрос о следе у Деррида свидетельствует об огромном влиянии психоанализа: главное здесь — такие понятия Фрейда, как "последствие" (Nachtraglichkeit), "пролагание путей"

(Bahnung). Следы памяти и "проложенные следы" в работе психики часто оказываются аффективно нагруженными (см. в книге цитату из Мелани Кляйн как иллюстрацию психологической нагрузки опыта письма и чтения в культуре и в жизни индивида).

Помимо Фрейда другими предшественниками мысли Деррида о следах были, по его собственному признанию, Ницше, Хайдеггер, Гуссерль, Левинас, биологи, психологи, причем каждый подчеркивал в следе - свое. Особенно важной здесь оказывается феноменологическая концепция внутреннего восприятия времени: время как бы растянуто между прошлым и будущим — в опыте "удержания" прошлого и "предвосхищения" будущего. Однако феноменологическая установка оказывается бессильной перед следом. Она полагается на дословесные интуиции и не улавливает, например, того бессознательного (или пред-сознательного) опыта, который Фрейд закрепил в понятии "последствия": смысл любого опыта не дан человеку прямо, он строится не в настоящем, а в будущем, обращенном в прошедшее, он разворачивается постепенно, на других "сценах"; но в любом случае для того, чтобы этот сложный, как бы заторможенный, но, по сути, очень трудный и интенсивный процесс мог происходить, требуется, чтобы следы опыта надежно сохранялись.

Помочь нам разобраться со следом может знак — эта пятая колонна в метафизике — то, что, всецело принадлежа метафизике, позволяет нам ее деконструировать. В каком-то смысле след — это знак в динамике. И если вначале был знак (а не вещь, не референт, не интуиция), то это лишний раз показывает, что вначале был след. Однако помимо явных следов - словесного знака, замещающего вещь в ее отсутствие, или письма как нацарапанного следа речи, есть и другой след, о котором уже упоминалось, — Деррида называет его прото-следом. Это конструкт, артефакт, указание на то, чего вообще не было в вещной форме: это общий принцип артикулированности и расчлененности, на основе которого только и могут далее появляться тождества и различия, наличия и отсутствия. Таким образом, если ранее мы представляли себе хотя бы какое-то начало (начало начал), до которого простирается пустота, преодолеваемая усилиями креационистских теологий, то теперь о началах не может быть и речи. Нет ни хороших, ни плохих начал — ни начала как акта творения, ни пришествия зла в нечто неизменно благое (и это уже показывает нам стержень спора Деррида с Руссо и его теорией возникновения языка и письма).

Напомним, что конкретных примеров следа на страницах этой книги — множество: так, это и общий рельеф местности, и поломанная телеграфная линия (в главах о Леви-Строссе), и борозда, оставляемая плугом на пашне, и бустрофедон (тип вспашки, похожий на способ письма: доходя до края поля или страницы, мы поворачиваем вспять). Все эти следы прочерчивают, артикулируют пространство и время человеческой жизни и становятся средствами их постижения.

Различие, различАние

Как увидеть различие? Это значит увидеть в наличном неналичное, а в тождественном — нетождественное. Достаточно сосредоточиться на настоящем, и мы увидим трещины, свидетельствующие о том, что настоящее и наличное не тождественны самим себе, отличны

от самих себя, внутренне дифференцированы: в них "еще" сохраняется прошлое, но "уже" предначертывается будущее.

Итак, различие — это противоположность наличию как тождеству и самодостаточности. Можно полагать, что изначальность различий, различенность — это следствие антропологической конечности человека, несовпадения бесконечного и конечного, *de jure* и *de facto*, вещи и смысла. Человек занимает промежуточное место в общей структуре бытия. От животного его отличает нереактивность, сдерживание непосредственных побуждений, превращение физиологических потребностей во влечения, которые не могут удовлетворяться тут же на месте, а в известном смысле, и вообще не могут удовлетворяться. От Бога его отличает неспособность к непосредственно интуитивному, прямому усмотрению смысла бытия вообще и собственной жизни — событий, поступков, текстов — в частности. Творец Вселенной не имеет различия между творимым бытием и смыслом бытия, они для него едины. Человек, и даже самый творческий, в этом смысле - не творец, а постигатель Вселенной. Тем самым различие, различенность дважды, с двух разных концов выходит на первый план — как промедленность в сравнении с животными реакциями и как отсроченность смыслов в общем — сложном и опосредованном — процессе означения [7].

Понятие различия, если отвлечься от его богатой философской истории, внятно начинающейся с *differentia specifica* Аристотеля, более непосредственно навеяно у Деррида (и у других современных французских авторов), по-видимому, прежде всего Гегелем и Соссюром. Первый момент — это расщепление диалектической пары противоположностей тождество/различие, разнесение самодостаточных полнот и дифференцирующихся следов по разным регистрам и выведение различия на первый план. В остальном выяснение отношений Деррида с Гегелем и диалектикой в "общей" и "частной" форме — это достаточно запутанный вопрос, в котором ясен только абсолютный отказ Деррида от идеологии "снятия" (между прочим, Деррида предложил переводить *Aufhebung* на французский язык как *relever*). Второй момент — это отношение Деррида к понятию различия в его структуралистском (соссюровском) истолковании. Как известно, для лингвистического структурализма, а затем и для структуралистской мысли, перенесенной в другие области гуманитарного познания, различие — это всегда системное смысловоразличающее качество: те различия, которые не являются смысловоразличающими, вообще не входят в систему. Так вот, именно эти внесистемные и несмысловоразличающие различия и абсолютизирует постструктурализм в целом. Это имеет отношение и к пониманию различия у Деррида.

Однако этими спецификациями понятие различия у Деррида не ограничивается. Он вводит еще одну операцию, которая радикально усиливает различие и закрепляет сложное и опосредованное отношение человека к смыслу. Она названа словом "различАние" (*differAnce*): на слух это понятие не отличается от обычного *difference* (различие) и выявляет свое своеобразие только в письменном виде. Этот неологизм, или неографизм, Деррида трактует как нечто сходное с греческим средним залогом — вне антитезы активности и пассивности[8]. РазличАние — это условие формирования формы, условие означения. Позитивные науки могут описывать только те или иные проявления различАния, но не различАние как таковое, хотя процессы и состояния, связанные с различАнием, имеют место повсюду. РазличАние лежит в основе оппозиции наличия и отсутствия, в основе самой

жизни.

РазличАние предполагает двоякую деформацию пространства и времени как опор восприятия и осознания. А именно, различАние — это промедленность, отсроченность, постоянное запаздывание во времени и отстраненность, смещение, разбивка, промежуток в пространстве. Выше у нас шла речь о том, что наличие представляет собой единство "здесь и теперь", настоящего момента и данного места, И это единство разбивается различАнием — его временной аспект промедляется, а его пространственный аспект — включает "разбивку", "интервал", отстранение. При этом оба типа деформаций — и временные, и пространственные — взаимодействуют и переплетаются. В слове "различАние" слышатся, таким образом, разные значения: различаться, не быть тождественным; запаздывать (точнее, отсрочиваться во времени и отстраняться в пространстве); различаться во мнениях, спорить (франц. *differend*).

Вслед за Гуссерлем здесь особенно важно именно взаимосоотнесенное становление пространства и времени, это становление-временем пространства и становление-пространством времени. В отличие от Гуссерля, который отступает к своим первичным доязыковым интуициям, Деррида стремится не к первоначальному, а туда, где происходит отстранение-отсрочивание всего в человеческом мире, где разрастаются подстановки и замены. Однако в итоге эта конструкция отсрочивания и отстранения выступает не как результат, а как условие — как то, раньше чего ничто другое невозможно.

Письмо, прото-письмо

Общая артикулированность, членораздельность в работе психики, сознания, культуры (письмо в обычном смысле слова редко встречается на страницах этой книги; лишь иногда речь идет о культурно-исторических формах письменности). Если след был прежде всего опровержением самодостаточности наличия, а различие — опровержением его самоидентичности, то письмо (и прото-письмо) - это в первую очередь опровержение логоцентризма как тождества логоса и голоса в западной культуре. Собственно говоря, это преодоление наличия следом и различием уже создает возможность письма, которое определяется полным набором отрицательных характеристик:

оно не зависит ни от наличия, ни от отсутствия, ни от причин, ни от целей; оно выступает как опровержение любой диалектики, телеологии, телеологии, онтологии и т. д. В данной книге вся западная культура трактуется как отображение того или иного состояния письменности, а появление науки, философии, познания вообще — как следствие распространения фонетического письма. Характернейшая черта западной метафизики — это забвение или унижение письма по причинам познавательного (несущественное, вторичное), морального (подмена, маска), политического (замена личного участия представительством) свойства.

Почему Деррида выбирает именно письмо — этот вопрос уже вставал перед нами. Среди современников Деррида понятие письма развернуто использовалось, например, Бартом. К тому же именно Барт предложил создать дисциплину под названием артрология

(суставоведение), которая бы изучала членоразделы любого типа в культуре: так что если бы этот термин уже не был использован, грамматологию стоило бы, наверное, назвать "артрологией". Артикуляция, приведение к членораздельности, членоразделение — это общее условие любого человеческого опыта. В этом смысле нанесение следов — это тоже вид артикуляции. Так, в проблематике письма следы и различия концептуально обогащают друг друга. В "О грамматологии" мы найдем всевозможные типы письма — нарезки, насечки, гравировки и другие типы нанесения следов, установления артикуляций - со(рас)членений. На одном только примере руссоистской теории возникновения языка мы можем проследить различные этапы и стадии превращения чистой вокализации в членораздельную речь, а они предполагают постепенное наращивание артикулированности: руссоистский идеально-певучий язык, напомним, рождается на юге, однако на пути к северу в нем увеличивается число согласных и так до уже заметных глазу нацарапываний собственно письма в каком-то прочном и сохранном материале.

Если устный, речевой знак — это знак вещи, то письмо — это "знак знака": графический знак замещает устный знак в его отсутствие. Но это лишь одна сторона дела. Для Деррида важно не столько собственно письмо, сколько именно письмо в широком смысле слова, объемлющее любую "графию" (ср. хорео-графия, спектро-графия, рентгено-графия) или даже просто любую про-грамму (по-гречески: пред-писание), а кроме того, связывающее письмо с другими близкими понятиями — граммой, грамматологией, граммаграфией, графологией, графикой, графикой. Но и это еще не все: важнее письма в широком смысле (то есть любой записи, осуществляемой в любом материале) оказывается некое прото-письмо: уже не сама запись, а лишь ее возможность — условие любой дискурсивности, любой расчлененности, любой артикулированности — как речи, так и письма, а также любого движения.

Таким образом образуется и укрепляется более фундаментальный уровень условий возможности артикуляции: прото-письмо, прото-след и различАние оказываются отчасти синонимичны и в любом случае со-членимы. В основе всех трех операций — перехода от письма к прото-письму, от следа к прото-следу и от различия к различАнию — лежат сходные процессы отступления на следы и квази-обосновывающий ход мысли. Именно поэтому, согласно Деррида, во всех этих случаях и не складываются простые бинарные оппозиции — только с измененным акцентом на ранее униженном члене оппозиции. Так, мы не должны трактовать "след" (даже и самостирающийся) — как простую оппозицию наличию, "различие" — как простую оппозицию тождеству, "письмо" — как простую оппозицию речи (или в целом логоцентризму).

Деррида строит иную картину. Обратим внимание: наличие и лого-центризм остались позади, достигнуты и укреплены некие новые позиции - "след", "различие", "письмо"; однако и с этих новых позиций он опять уходит — в иные пространства и времена. В самом деле, след отошел на позиции прото-следа, различие — на позиции различАния, письмо — на позиции прото-письма. Установлена круговая оборона сложно достигнутых позиций дифференцирующей мысли по отношению к мысли, ориентированной на самодостаточность и самотождественность. Так, прото-след есть отступление на такие позиции, с которых можно видеть как наличие, так и отсутствие. Прото-различие (различАние) есть отступление на такие позиции, на которых можно видеть и тождество, и различие. Прото-письмо есть

отступление на такие позиции, с которых можно видеть как речь, так и письмо в узком смысле слова. Однако вся эта конструкция не должна, по идее, превратиться в новый бастион — вокруг метафизики или анти-метафизики: тут нам надлежит увидеть в действии сам принцип артикуляции любых содержаний сознания и психики, механизм ритмического расчленения опыта, новых возможностей означивания в рамках иначе прочерченных координат пространства и времени.

А теперь мы переходим к последнему из отдельно вводимых здесь понятий - понятию восполнительности: оно занимает совершенно особое место в этой книге. Оно взято из нефилологических текстов Жан-Жака Руссо, но это не частное понятие: оно обозначает у Деррида особую логику, отличную от логики тождества.

Восполнение, восполнительность

Общий механизм функционирования всех указанных выше понятий и осуществления всех процессов, к которым они имеют отношение. В самом деле: что такое различие в действии? Каким образом все наличное теряет или вновь обретает свою определенность? Как осуществляется постижение отсроченного, промедленного, взвешенного? Как следы и их сочетания складываются в те или иные осмысленные конфигурации? Как работа психики на уровне прото-письма наполняется конкретным содержанием? Как живет это содержание внутри знания и за пределами знания? Ответ: по логике восполнения, восполнительности.

Понятие восполнения для Деррида одновременно и общее, и уникальное. Взятое из Руссо и прежде всего опирающееся на конкретные и даже интимные смыслы жизни героя Руссо, оно становится логическим оператором уникальной и почти беспредельной мощности. Восполнение — это общий механизм достраивания/доращивания всего в природе и культуре за счет внутренних и внешних ресурсов, соотношение которых не предполагает ни механического добавления извне, ни диалектического раскрытия предзаданных внутренних возможностей путем разрешения противоречий. Если бы мы поместили понятие восполнения сразу после понятий наличия, логоцентризма, метафизики и де конструкции, то сразу увидели бы, как система самодостаточных и самотождественных определений сдвигается с места, как каждое из них оказывается несамодостаточным и несамотождественным, а под ними обнаруживаются следы, выводящие к механизмам построения всего, что вообще происходит с человеком и в жизни, и в культуре.

Какова логика восполнения? Его часто уподобляют добавке, избытку по отношению к некоей уже готовой и цельной тотальности. Однако, это неверно: если бы это было так, то восполнение было бы "ничем", полнота и цельность наличествовали бы и без него. Но восполнение — не "ничто", а "нечто": если имеется восполнение, значит, целое уже не есть целое, а нечто, пронизанное нехваткой, внутренним изъяном. Восполнение в этом тексте Деррида выступает в разных контекстах как структурное правило, игра, порядок, цепь, структура, система, закон, правило, логика, структурная необходимость, графика, механизм, странный способ бытия (предполагающий одновременно и избыток, и нехватку) и даже целая "эпоха".

"О грамматологии" - целая энциклопедия конкретных форм восполнения и самого механизма восполнительности. Восполнение необходимо на всех этапах человеческой жизни, поскольку человек и все его объекты по разным причинам дефектны. Ребенок рождается незрелым, и для него восполнениями различного рода нехваток будут и материнская забота, и кормилицыно молоко, а немного позже — и руководство опытного наставника (чтение книг, воспитание добродетелей). Однако, по Руссо, ущербен и взрослый человек. Из-за того что земля вращается, в каждом месте на земле (кроме разве что умеренной по климату Франции, наиболее располагающей для развития любых человеческих способностей!) чего-то недостает. Кроме этих природных причин есть и собственно человеческие основания для необходимости восполнения. Психика, сознание, воображение строятся не только как механизмы постижения существующего, но и как схемы компенсации недоступного, построения программ будущих действий. Так, человек, который боится людей, восполнит нехватку общения наукой, составлением гербария, прогулками на природе, уйдет с головой в писательство.

Всеобщая восполнительность обеспечивает и органическую выживаемость (на севере людям нужны тепло, огонь, на юге — вода, прохлада), и психологическую выносимость жизни (каждому из нас нужны различные замены или компенсации незаменимого). Так, герой Руссо в "Исповеди" восполняет природную робость в отношениях с женщинами пылким воображением и практикой онанизма, а его знаменитая подруга Тереза выступает как почти мифический посредник, медиатор между природным и культурным: она позволяет избавиться от зла онанизма (культура побеждает природу), но вместе с тем выступает как природная компенсация общественной фальши и лицемерия; однако Тереза не способна стать успешным посредником и заменой — она не заменяет ни "маменьку", ни общество, ни людское признание.

Онанизм соединяет в себе яд и лекарство, недуг и лечение. Онанизм полезен как защита от болезней, как сублимация влечения к недоступной женщине, как возможность обладать в своем воображении всеми женщинами сразу, наконец, как средство выживания душевно хрупкого человека, наделенного безмерной способностью испытывать любовь (полнота переживаний всех восторгов любви была бы для героя, по его собственному признанию, губительна). Однако онанизм вреден как растрата природных сил, как повод для переживания вины, как психологическая фрустрация и т. д. Иначе говоря, трата и бережливость, гибель и спасение, отсроченное наслаждение и немедленное эрзац-удовольствие оказываются почти неотличимыми.

Понятийный аппарат восполнения и восполнительности у Руссо—Деррида очень разветвлен: это однокоренные слова с частично разошедшимися значениями: *supplementaire, supplementarite, suppleance, suppleant* и др. В словарном значении *supplement* предполагает дополнение и замену, однако механизм осуществления этих операций у Деррида, по сути, отрицает как дополнение, так и замену (ничто не приходит лишь извне, и ничто не вытесняет исходное полностью). Кроме того, у Деррида введен ряд частичных синонимов, связанных с добавлением (*addition, s'ajouter*) и заменой (*substitut, remplacer*). При переводе понятий этого ряда нами была введена архисемема, построенная на более широкой (латинской, а не французской) основе, — как некоторое этимологическое упражнение в духе языковых игр самого Деррида. Фактически весь смысловой ряд понятия

supplement таков: приложение (минимальная связь между элементами), добавление (несколько большая связь между элементами), дополнение (увеличение полноты в том, к чему нечто прибавляется), восполнение (компенсация исходной нехватки), подмена (краткое или как бы нечаянное использование извне пришедшего вместо изначально данного), замена (полное вытеснение одного другим).

Читатель может проследить работу механизма "восполнительности" по текстам Руссо. В самом деле (здесь и далее страницы оригинала — 208), знак выдает себя за нечто самодостаточное, а на самом деле лишь восполняет скудость и убожество речи; (209) материнская забота невосполнима, ибо она достаточна и самодостаточна; (210) задача воспитания — восполнить нехватку природных сил и подменить природу; (211) дети быстро научаются командовать взрослыми, чтобы таким образом восполнять то, чего им не хватает (свои слабости); (212) разум человека восполняет (недостающие для жизни и выживания) физические силы; (334) жест служит восполнением речи, с ее скудостью и недостатками; (339) развитие языков подчиняется закону восполнительности и замены (например, напевные интонации стираются новыми артикуляциями, чувства восполняются идеями); (369) огонь восполняет нехватку природного тепла; (397) язык восполняет наличие, т. е. отстраняет-отсрочивает его, одержимый желанием вновь соединиться с ним; (397) слово "восполнять" определяет сам акт письма; (412) письмо — это констатация отсутствия вещи, одновременно и зло, и благо, тот запас, который всегда прорабатывает истину феноменов, производит и восполняет ее; (412) разум еще не настолько развился, чтобы своей мудростью восполнить природные порывы; (210) детство вызывает к восполнению в ситуации природной нехватки; системы воспитания перестраивают все здание природы восполнениями; (208) восполнение добавляется (s'ajoute) как полнота, обогащающая собой другую полноту; (215) онанизм выступает как опасное восполнение, которое обманывает природу; (225) в Терезе герой Руссо нашел восполнение, в котором нуждался; (228) реальное (le reel) может осмысляться лишь по зову восполнения и на основе следа и т. д. и т. п.

Деррида совершает работу, не сделанную Руссо. В самом деле, Руссо пользовался этим понятием, но не владел всеми его ресурсами и потому часто соскальзывал в область наличия, метафизики. Что же касается Деррида, то для него оно, по сути, стало ведущим в общем ряду орудий деконструкции. Это понятие большого объема, сохраняющее, однако, свое конкретное содержание. А потому разбираемая нами книга, в которой оно вводится и широко прорабатывается, занимает особое место в ряду работ Деррида. Так, подобно платоновскому "фармакону", руссоистское восполнение ("опасное восполнение") это и лекарство, и угроза. Подобно маллармеанскому "гимену", оно указывает и на интимный личный опыт, и на те области жизни, которые связаны с краями, пределами, порогами, головоломными переплетениями внутреннего и внешнего. Однако supplement вмещает и потенциально содержит в себе все это, тогда как другие понятия деконструктивных рядов чаще всего указывают лишь на те или иные отдельные возможности общей логики (или графики) восполнительности.

Восполнение входит и в более сложные конструкции, где оно вскарабкивается на метауровень (восполняющее добавление, восполняющее приложение, восполняющая замена и пр.). Это непосильное бремя для разума — как помыслить структуру, выходящую

за рамки языка и механизмов метафизики? Восполнение сводит с ума, ибо не может быть помыслено разумом, будучи его условием, — тут мы уже видим то, что потом ярко разовьется у Деррида, — невозможность помыслить принцип устройства системы внутри самой системы. Для разума парадокс состоит в том, что тут он должен помыслить свое другое, себя как не-себя. Это, как говорит Руссо, "почти непостижимо для разума". И потому слепота к восполнению, неспособность увидеть и постичь его — структурный закон метафизического мышления. Запечатлеть движение, динамику механизма восполнительности в классической логике тождества невозможно. Руссо не способен помыслить восполнение: точнее, он хочет превратить его в простую добавку (!) — чего-то благого или (чаще) злого. Восполнение — это изначальная парадоксальность: "изначальное дополнение" или, иначе, "существенная случайность".

В любом случае, как мы видим, все понятия у Деррида заданы так, что между ними имеются переходы и переправы. "След", "различие", "письмо", "прото-след", "различАние", "прото-письмо" и конечно восполнение, восполнительность — образуют почти синонимический ряд. Читатель сам увидит в последней трети книги, что восполнительность почти всегда выступает как синоним различАния с его способностью промедления и отстранения. Например, протекание времени можно осмыслить в терминах следа, письма, различАния, восполнения: каждое из понятий этого ряда может быть описано в терминах всех других, выступая как то, что подменяет, или как то, что подменяется. Так, промедление-отстояние в реализации человеческого желания наиболее весомо характеризует различАние, но может быть отнесено и к следам, и к письму в широком смысле слова.

А можно сказать и иначе, используя более привычную нам теперь терминологию: след, различие, письмо — это три хронотопики, три узла-сочленения пространства и времени, притом каждое со своим собственным, весьма своеобразным обоснованием (для следа — это прото-след, для письма — прото-письмо, для различия — различАние). Все эти понятия сплетаются в единую ткань, образуют единый текст. Подчас кажется, что Деррида с маниакальной терпеливостью описывает разными словами одно и то же, однако то же самое было на самом деле различено уже одной только помещенностью в различные контексты.

Наши ряды только намечены; вокруг каждого понятия гнездятся десятки других, контрастных или родственных. Читатель, если захочет, продолжит эти ряды: он увидит, как (перво)начало — понятие вполне "метафизическое" — разрывается между традиционным смыслом ("происхождение") и тем дерридианским началом, которое есть либо "уже имеющаяся копия", либо вообще полная невозможность повторения; он убедится в том, что все попытки мысли удержать наличие на путях представления (ре-презентации) оборачиваются абсолютным различием и несоизмеримостью в рамках новых контекстов, что "собственное" и "свойственное" (в каком-то смысле — истинно наличное) дрейфуют в сторону следов и различий, т. е. своей собственной невозможности, и многое другое. Однако при всех этих ограничениях хочется думать, что начало построению некоей открытой системы понятий деконструкции все же было здесь положено.

Теперь оглянемся на то, что же у нас в итоге получилось. Мы строили общий ряд понятий книги как цепочку так или иначе переходящих друг в друга смыслов, чтобы не потерять общую нить рассуждения. Но если посмотреть на все это шире, с более отстраненной точки

зрения, мы увидим две несоизмеримые проекции, две различные картины — на одной будут преобладать наличия и полноты, а на другой — следы и разрывы. Возникает законный вопрос: где истина, а где фантазмагория? И где, между ними, деконструкция? В одном случае наличие истинно, а разрывы и различия иллюзорны, а в другом, напротив, — наличия фантазмагоричны, а следы и различия — реальны. Однако оба эти мира окажутся несамодостаточными: так герой Руссо, живший среди сущностей и наличий, интуитивно прозревает неналичное, а читатель (и даже сам автор), перебравшись в мир следов и различий, тут же начинает испытывать ностальгию по покинутому миру наличия.

В начале своего творческого пути Деррида опровергал центральность и иерархичность как таковые, однако уже тогда, по сути, он отрицал не только центрированную структуру, но и лишённую центра (и стало быть, беспредельную) игру знаков. При этом Деррида намекал на нечто третье — на "игру мира", на то, что снимало бы оппозицию между жесткой центрацией и свободной игрой. Так в дальнейшем движение мысли Деррида вводит в действие "необходимые, но невозможные" предметы, события или состояния, которые, с одной стороны, не подчиняются логике тождества и наличия, а с другой — кладут предел бесконечным знаковым замещениям, и к этому мы еще вернемся.

А теперь посмотрим, как выявленные выше понятия развертываются в конкретном содержании книги.

Версия #4

Зверобой создал 16 февраля 2026 22:27:03

Зверобой обновил 1 марта 2026 20:50:21